

Ф. ШОПЕНЪ

СОЧ. ФРАНЦА ЛИСТА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНЕНИЯМИ

П. ЗИНОВЬЕВА,

Профессора Спб. Консерваторіи.

СОБСТВЕННОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1887

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. ОБЩИЙ ХАРАКТЕРЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ШОПЕНА.....	4
ГЛАВА II. ПОЛОНЕЗЫ.....	14
ГЛАВА III. МАЗУРКИ.....	25
ГЛАВА IV. ВИРТУОЗНОСТЬ ШОПЕНА.....	37
ГЛАВА V. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ШОПЕНА.....	55
ГЛАВА VI. ЮНОСТЬ ШОПЕНА.....	75
ГЛАВА VII. ЛЕЛІЯ.....	88
ГЛАВА VIII. ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ, ПОСЛѢДНІЕ МИНУТЫ ЖИЗНИ.....	100
СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ШОПЕНА ПО ОРУС'АМЪ:.....	112
А) Сочиненія, появившіяся при жизни Шопена.....	112
В) Посмертныя изданія.....	113
Безъ обозначенія опус'овъ изданы:.....	114
ГЛАВНѢЙШІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ СОЧИНЕНІЯ О ШОПЕНѢ.....	114

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА

Настоящій переводъ біографіи Шопена Листа является впервые полностью на русскомъ языкѣ, если не считать нѣкоторыхъ, немногихъ извлеченій изъ этой книги Листа, коими воспользовался, но по первому ея изданію, г. Христіановичъ, въ своихъ письмахъ о Шопенѣ. Это литературное сочиненіе Франца Листа выходило въ «France musicale» 1851 года и затѣмъ уже появилось отдѣльнымъ изданіемъ въ Парижѣ, у Эскюдье въ 1852 г. Будучи проникнутъ съ моихъ юныхъ лѣтъ, когда еще «вѣрилось и плакалось», чрезвычайнымъ уваженіемъ и чувствомъ обожанія композицій Шопена, я рѣшился перевести сочиненіе Листа тому назадъ лѣтъ девять; я начиналъ работу урывками лѣтомъ, когда мнѣ только позволяло вакантное отъ служебныхъ занятій время. Окончивъ такимъ образомъ около двухъ третей перевода, по первому изданію 1852 г., почти сдѣлавшемуся библиографическою рѣдкостью, я встрѣтился съ появленіемъ втораго изданія въ 1879 г. въ Лейпцигѣ, у Брейткопфа и Гертеля; тогда мнѣ пришлось всѣ уже сдѣланное мною передѣлывать вновь, многое дополнять, вслѣдствіе чего переводъ мой затянулся. Наконецъ, уединившись въ прошедшее лѣто отъ всѣхъ препятствій по работѣ, я могъ, принявшись съ жаромъ, довершить и закончить мое заповѣдное желаніе...

Чувство, пробуждающееся послѣ прочтенія книги Листа, оригинально и захватывающе; очевидно, какъ, впрочемъ, и говоритъ самъ Листъ въ концѣ сочиненія, онъ написалъ *апологию* подъ свѣжими впечатлѣніями неизгладимой потери Шопена, будучи вдохновленнымъ высокимъ почитаніемъ личности великаго композитора и артиста, полнымъ дружбы и любви, раздѣляемой нѣкогда и Шопеномъ къ именитому артисту. Листъ писалъ, полный юношескаго увлеченія къ высокой личности Шопена, какъ патріота своей родины, поддаваясь взглядамъ Шопена и едва-ли даже не превосходя его въ степени поклоненія польской женщины. Слѣдствіемъ послѣдняго увлеченія у Листа являются преувеличенія въ изложеніи, которыя мнѣ пришлось выбросить изъ 3-ей главы перевода, по вполне невозможнымъ цензурнымъ условіямъ. Такимъ образомъ, руководствуясь своей собственной цензурой, я долженъ былъ выкинуть около 11 страницъ изъ 3-ей главы и сдѣлать также весьма малое количество пропусковъ въ выраженіяхъ другихъ главъ, хотя какъ то, такъ и другое не относилось къ Шопену и, вообще, было весьма незначительно; я руководился единственно чувствомъ осторожности къ высокопривлекательной личности великаго виртуоза, любовь и уваженіе къ которому еще не остыли и не потерялись въ образованномъ, русскомъ обществѣ.

Стиль Листа, по временамъ, нѣсколько напыщенъ, изобилуетъ метафорами, антитезами, сравненіями, не рѣдко уклоняющимися отъ предмета, но всегда блестящими, полными ума, наблюдательности и эрудиціи многообразной. Читатели поймутъ, что я встрѣчался потому въ переводѣ съ нѣкоторыми, иногда и большими литературными затрудненіями, а критика, надѣюсь, окажетъ мнѣ снисхожденіе, ибо я и самъ сознаю недостатки моего скромнаго труда...

Занимаясь, вообще, много Шопеномъ и много о немъ перечитавъ, я не могъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ добавленій въ выноскахъ подъ нумерами, въ которыхъ иногда бросается нѣсколько отличное отъ Листа освѣщеніе на событія, — иначе и быть не могло, ибо Каразовскій, г-жа d'Audley, въ сочиненіяхъ о Шопенѣ и современники его въ письмахъ смотрѣли другими, иногда и болѣе спокойными глазами на многое, случавшееся въ жизни Шопена, на отношенія къ нему, напр., Жоржъ Зандъ, на исторію ихъ разрыва, стоившую Шопену жизни и проч.

Несравненный и единственный композиторъ живеть, несомнѣнно, какъ въ сердцахъ русскаго и польскаго образованнаго общества, такъ и вообще въ образованномъ мирѣ; музыкальное юношество много и усердно изучаетъ его творенія и я уверенъ, что появленіе апологіи Листа на русскомъ языкѣ не будетъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что чтеніе сочиненія въ подлинникѣ въ общемъ довольно трудно. Я полагаю, что наше учащееся музыкальное поколѣніе, прочитавъ сочиненіе Листа, проникнется грубочайшимъ уваженіемъ къ памяти Шопена и такой-же симпатіей къ пережитымъ имъ трогательнымъ, нравственнымъ страданіямъ; оно, благодаря великолѣпному изложенію Листа, изумится стойкости этого необычайно выдержаннаго, замкнутаго въ себѣ характера... Я приложилъ въ концѣ перевода полный списокъ сочиненій Шопена. Мнѣ остается еще принести здѣсь мою живѣйшую благодарность В. Д. Спасовичу, обязательно сообщившему мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, въ главѣ о полонезѣ, касавшіяся польской исторіи, и просить снисхожденія къ моему труду, внушенному мнѣ безмѣрнымъ уваженіемъ къ памяти Шопена, благодарностью къ его гению за тѣ неизгладимыя и дивныя наслажденія эстетическія, испытанныя мною при прочтеніи и изученіи чудныхъ страницъ его композиціи и при слушаніи ихъ въ исполненіяхъ достойныхъ его артистовъ.

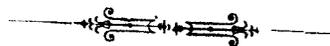
П. Зиновьевъ.

1 іюля, 1886 г.

Ф и н л я н д и я

Р. S. Спустя девятнадцать дней послѣ окончанія этихъ строкъ, музыкальный міръ былъ сраженъ извѣстіемъ о кончинѣ гениальнаго автора этаго сочиненія о Шопенѣ — не стало Листа, покинувшаго свѣтъ на 76 году жизни, послѣ многолѣтней артистической и композиторской дѣятельности; искусство лишилось одного изъ послѣднихъ представителей эпохи музыкальнаго романтизма, остававшагося до конца своихъ дней блестящей звездой изъ лучезарнаго ореола имени, давно уже отошедшихъ въ вѣчность. Миръ его свѣтлой душѣ!... Память о немъ сохранить исторія музыки!...

П. З.

...

ГЛАВА I. ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ШОПЕНА

Веймаръ, 1850 г.

Шопень, дивный геній гармоніи! Какому сердцу не былъ онъ дорогъ, кто не испытывалъ волненія, изъ имѣвшихъ счастье его знать, при одномъ только воспоминаніи объ этомъ дорогомъ для искусства существѣ? Но какъ не былъ онъ оплакиваемъ артистами и многочисленными друзьями, мы все-таки позволяемъ себѣ сомнѣваться, что насталь уже моментъ, когда Шопень (для насъ потеря его особенно чувствительна), оцѣненный въ справедливомъ достоинствѣ, занимаетъ во всемірномъ почитаніи то высокое положеніе, какое готовитъ и сохранить ему грядущее время.

Одинъ изъ избитыхъ афоризмовъ говоритъ, что никто въ своемъ отечествѣ не бывалъ пророкомъ; но не приходимъ-ли мы путемъ опыта къ тому, что люди будущаго, предчувствующіе и приближающіе въ своихъ твореніяхъ это будущее, въ дѣйствительности своими современниками не признаются за предвозвѣстниковъ?... По правдѣ сказать, можетъ-ли и быть иначе? Не останавливая вниманія на томъ, что разсудокъ долженъ-бы до нѣкоторой степени служить путеводителемъ опыта, мы смѣемъ однако утверждать, что всякій геній-новаторъ, всякій авторъ въ области искусства, покидающій идеалы, типы и формы, которыми жили и очаровывались умы его времени, оскорбитъ своихъ современниковъ, когда вызоветъ новые идеалы, создастъ новые типы и формы неизвѣданныя. Только послѣдующее поколѣніе овладѣетъ его мыслью и пойметъ его чувства. Молодые артисты, окружающіе такого новатора и вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтателя, конечно, будутъ протестовать противъ ретроградовъ, неизмѣнное обыкновеніе которыхъ — поѣдать живыхъ вмѣстѣ съ мертвыми — замѣчается въ музыкальномъ искусствѣ болѣе, нежели въ другихъ искусствахъ; но не рѣдко только одному времени предоставляется поднять красоты и достоинства новыхъ вдохновеній и формъ въ искусствѣ. Въ разнообразныхъ формахъ искусства, — гдѣ какъ-бы въ чародѣйствѣ, различныя проявленія предназначаются для вызова въ своемъ волшебномъ кругѣ чувствъ и страстей, желаемыхъ быть переданными артистомъ для ощущенія, глаза и слуха, чтобы затѣмъ сообщиться волненію, — только *геній* обыкновенно характеризуется изобрѣтеніемъ *формъ новыхъ* посвященныхъ не рѣдко впечатлѣніямъ и чувствамъ, въ этомъ заколдованномъ кругѣ еще никогда не появлявшимся. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ архитектурѣ, впечатлѣніе связано съ возбужденіемъ, безъ посредничества мысли или разсужденія; также впрочемъ бываетъ и въ